

Чжао Шуюй сложил руки в почтительном жесте и поблагодарил госпожу Ван, подавшую голос с предостережением, а та поспешно замахала руками:

— Пустяки, пустяки, мы же все соседи.

— И надо же такому случиться, — с удивлением спросил сын госпожи Ван, Ван Пиньань. — Чжао Тоншэн, ты же ученый муж, а оказывается, владеешь боевыми искусствами! Почему же раньше мы никогда не видели, чтобы ты их применял?

— В уездной школе есть занятия по стрельбе из лука и верховой езде, я немного поучился у наставника по боевым искусствам. В обычные дни мне не выпадало случая пустить эти навыки в ход, так что неудивительно, что никто из вас не знал.

И впрямь, Чжао Шуюй не лгал: академия Байюнь, где учился прежний хозяин этого тела, была самой большой в уезде, и там действительно преподавали верховую езду и стрельбу из лука, вот только посещение этих уроков не было обязательным. Прежнему владельцу они не нравились, и он почти не ходил на них.

Проводив зевак из числа односельчан, Чжао Шуюй собирался уже вернуться в дом, как вдруг заметил у калитки во дворе чей-то чумазый нос и озирающуюся макушку — кто-то украдкой заглядывал внутрь.

Пойманный с поличным, малыш испуганно втянул голову в плечи, но любопытство тотчас пересилило, и он снова высунулся, во все глаза глядя на него.

Старший брат один вышел против той шайки негодяев, и ему было по-настоящему страшно. Он тайком последовал за ним, чтобы подглядеть, и вдруг увидел, что брат разогнал всех злодеев. Малыш Чжао Шуянь испытывал одновременно и недоумение, и благоговейный трепет.

С самого детства он считал своего старшего брата невероятным: тот умел писать и читать, а теперь, оказывается, еще и умел задавать трепку негодяям!

Только вот когда это старший брат научился драться с плохими людьми?

Неужели брат и вправду, как рассказывали в сказках, одержим злым духом?

Чжао Шуюй не знал, какие мысли роятся в головке у ребенка, ему лишь показалось, что тот выглядит донельзя забавно, когда так воровато озирается. Закрыв калитку во дворе, он подхватил малыша на руки и направился в жилую комнату.

Кончики ушей у Чжао Шуяня, прижатого к груди старшего брата, мгновенно покраснели: раз брат его обнимает, то, даже если в него вселился демон, это наверняка добрый демон!

Во второй половине дня Чжао Шуюй вскипятил воду, чтобы искупать ребенка, и занялся наведением порядка в доме. Обыскав все уголки, он не нашел ни единой медной монеты и ни крошки съестного.

Умной хозяйке нелегко приготовить обед без риса.

А ребенок как раз в том возрасте, когда растет, и морить его голодом нельзя. Как раз в тот момент, когда Чжао Шуюй ломал голову над этой задачей, соседка, госпожа Ван, принесла еду.

— Чжао Тоншэн, столько всего за день приключилось, а ты еще до конца не оправился от ран.

Не брезгуй, отведай нашей стряпни: дикие овощи да грубое зерно, ешь пока горячее.

Это была поистине своевременная помощь от доброго человека. Чжао Шуюй с теплотой в голосе поблагодарил ее:

— Тетушка Чжан, зовите меня просто по имени. Для нас с братом эта еда сейчас дороже всего на свете, я непременно раздобуду денег и как можно скорее верну вам зерно.

После столь крупных событий сегодня госпожа Ван пришла не только ради того, чтобы передать еду, но и с намерением еще раз попытаться вразумить Чжао Шуюя.

— Шуюй, тетушка Чжан видела, как вы, братья, родились и росли. Я понимаю, как тебе тяжело принять смерть родителей, но их нет в живых уже два года, пора бы тебе взять себя в руки. Малыш Шицзао еще такой кроха, у него, кроме тебя, никого из родных и не осталось.

— Тебе нужно выработать какой-то план насчет долгов перед игорным домом. Мы с твоим дядей Ваном могли бы помочь тебе кое-что занять, но есть ли у тебя вообще способ раздобыть серебро?

Судя по воспоминаниям прежнего владельца, эта тетушка Чжан искренне относилась к обоим братьям Чжао с добром. Даже когда Чжао Шуюй в последние два года вел себя из рук вон плохо и отчаянно упрямялся, она не переставала угрожать ему — жаль только, что прежний хозяин уже умер.

— Тетушка Чжан, побывав на волосок от смерти, я всё обдумал. С сегодняшнего дня я непременно начну новую жизнь, стану жить по совести, хорошо заботиться о младшем брате, а с игорным домом я придумаю, как разобраться.

Услышав это, госпожа Ван очень обрадовалась:

— Как хорошо, что ты наконец прозрел! Тетушка Чжан так и знала, что ты непременно возьмешься за ум.

— Позавчера ты упал на горе без чувств, потому что был ранен, и только благодаря тому, что Нин-ге из семьи Чу случайно нашел тебя и позвал старосту, ты и выкарабкался. Тебе потом обязательно нужно будет как следует отблагодарить его, этот Нин-ге тоже хлебнул горькой доли.

При этих словах Чжао Шуюй вспомнил те сбивающие с толку картины из памяти прежнего хозяина, которые никак не мог уложить в голове.

Мужчины женятся на мужчинах и при этом способны рожать детей? Это он сошел с ума или весь этот мир помешался?

— Кто такой этот Нин-ге? — в воспоминаниях прежнего владельца, помимо того, что Чу Нин был младшим гэ, больше ничего не нашлось.

Госпожа Ван была человеком необыкновенно сострадательным и мягкосердечным, она больше всего на свете не выносила несправедливости и очень жалела юного Чу Нина. Стоило Чжао Шуюю задать вопрос, как она тут же принялась во всех подробностях рассказывать о бедах семьи Чу. Глава семьи Чу, старик Чу, в молодые годы отправился в торговые странствия и нажил огромное состояние, в один миг став богачом в деревне Циншань. У него родилось пять дочерей и два сына: старший — Чу Бовэнь, младший — Чу Боу, которые впоследствии

обзавелись собственными семьями. Младший, Чу Боу, удумал жениться на злосчастном парнишке-гэре, но старик Чу наотрез отказался дать благословение, грозя изгнать сына из дома, если тот посмеет послушаться. Чу Боу оказался нрава твердого: ради своего гэра он действительно порвал с кланом Чу и начал жизнь с чистого листа.

Чу Бовэнь унаследовал семейное дело, однако оказался человеком праздным и страстным игроком. Всего за несколько лет он промотал огромный отцовский капитал. Напротив, Чу Боу во всем походил на старика Чу: он тоже поднялся с нуля на торговых караванах и вместе со своим мужем зажил яркой, зажиточной жизнью.

Позже по деревне поползли слухи, будто старик Чу, прогоняя младшего сына, втайне снабдил его деньгами и нужными знакомствами, благодаря чему Чу Боу и сколотил за пару лет такое богатство.

Чу Бовэнь поверил этим рассказам, прибежал к брату ругаться, и неизвестно, что именно тогда произошло, но старик Чу внезапно умер. Обе семьи окончательно рассорились и больше никогда не общались.

Когда Чу Нину исполнилось шесть лет, Чу Боу отправился в торговый поход, и там стряслась беда. Весть о его гибели так испугала маленького папашу Чу Нина, что у того начались преждевременные роды, и оба они погибли.

Шестилетний гэрен остался совсем один, всеми брошенный и беспомощный. Тогда Чу Бовэнь явился с деревенскими старейшинами в дом сироты, якобы чтобы взять его на попечение, и вполне закономерно захватил имущество покойного брата. За прошедшие годы он почти всё спустил на ветер, а бедный Чу Нинь, которого родители носили на руках, с той поры был вынужден жить под чужой крышей, годами терпя издевательства семьи старшего дяди.

Выслушав рассказ, Чжао Шуюй наконец понял, что в этом мире, помимо мужчин и женщин, существуют еще и гэры. Внешне гэры выглядят как мужчины, но телосложением куда тоньше, а между бровей у них красуется алая родинка. Они способны, подобно женщинам, выходить замуж и рожать детей, вот только обзавестись потомством им гораздо труднее, чем женщинам.

В Великой династии Дагань положение женщин и гэров крайне низко. Особенно это касается гэров: силой они не уступают мужчинам, а рожать так же хорошо, как женщины, не могут, а потому стоят на самом дне социальной лестницы. Лишь совсем бедняки женятся на парнишках-гэрах. Неудивительно, что в свое время старик Чу противился женитьбе сына на гэре, да еще и круглом сироте.

В памяти всплыло лицо Чу Нина: черты лица утонченные, но уж слишком болезненная худоба — прямо как у Чжао Шуяня, а глаза словно живые, говорящие. Не мудрено, что он так легко смущался, он ведь оказался гэром.

Чжао Шуюй испытывал к нему немалое любопытство: мальчик, способный рожать детей — поистине удивительное создание.

— Вот оно как... Тетушка Чжан, не беспокойтесь, за спасение жизни должно платить сторицей, я непременно отблагодарю Чу Нина за доброту, — хоть удар по голове камнем и был довольно болезненным, Чжао Шуюй всё равно был благодарен за то, что Чу Нинь нашел людей, которые донесли его до дома.

Произнося эти слова, Чжао Шуюй и представить не мог, что возможность отплатить за добро представится ему очень скоро.

А сам Чу Нинь, не подозревая, что о нем кто-то думает, продолжал изо дня в день жить своей привычной жизнью.

Убравшись на кухне, он вернулся в каморку для дров. Его условия были чуть лучше, чем у Чжао Шуяня, которому приходилось спать прямо на соломенной циновке на земле: в тесной, продуваемой всеми ветрами каморке у него хотя бы была кровать, сколоченная из пары камней и обломка старой двери.

Чу Нинь постарался постелить побольше слоев сухой соломы, чтобы не замерзнуть. Сейчас стояла ранняя осень, и было еще не так холодно, но зима — самое страшное испытание, и тогда ему придется накрываться вообще всей имеющейся одеждой, чтобы хоть как-то согреться.

Старший дядя Чу Бовэнь поначалу, сразу после того как взял Чу Нина к себе, относился к нему неплохо: всё ласкался, выспрашивал, где в доме спрятаны деньги. Но поняв, что уговорами ничего не добьется, злая парочка заперла племянника на три дня в дровяном сарае без еды. Чу Нинь чуть не умер с голоду, но так и не отдал нефритовый кулон, оставленный ему папашей.

С тех пор Чу Бовэнь показал свое истинное лицо: он присвоил наследство, оставленное отцом Чу Нина, и предавался пьянству, азартным играм и блуду. Спальню, которую отец любовно обустроил для сына, заняла двоюродная сестра Чу Баочжу, а восьмилетнего Чу Нина тетка Хэ Ланьхуа сослала жить в дровяной сарай.

Чу Бовэнь перенес всю злобу на покойного брата на Чу Нина, закрывая глаза на несправедливость жены. За все эти годы стирка, готовка и тяжелая работа в поле стали для него привычным делом, а сидеть за общим столом ему и вовсе запрещали.

Маленький Чу Нинь не то чтобы не пытался сопротивляться — он ходил за помощью к старейшинам рода Чу, но никого не волновало, как живет осиротевшему парнишке-гэру.

Тетка Хэ Ланьхуа распустила по деревне слух, что племянник растет избалованным и требует строгого воспитания, а потому била и ругала его по любому поводу. Ради выживания Чу Нинь перестал сопротивляться. Он научился вышивать на продажу у папаши своего друга Чжао Юня, а найденные в лесу грибы оставлял себе лишь на треть, надеясь скопить достаточно денег и навсегда уйти из семьи Чу.

Подсчитывая свои скромные сбережения и размышляя о том, как заживет после ухода из дома семьи Чу, он погрузился в сон.

Ранним утром следующего дня Чу Нинь возвращался с реки, где стирал белье, как вдруг дорогу ему преградили Хэ Ланьхуа с дочерью Чу Баочжу.

Хэ Ланьхуа с ходу схватила гибкую розгу и обрушила ее на его спину.

<http://bllate.org/book/22441/2357834>